

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 2-27, 2-72

**Структура православной миссиологии
в образовательной перспективе***Игумен Серапион (Митько)*

Синодальный миссионерский отдел
Русской православной церкви Московского патриархата,
Российская Федерация, 107031, Москва, Малый Кисельный пер., 6

Для цитирования: *Митько А. Е.* Структура православной миссиологии в образовательной перспективе // Вопросы теологии. 2020. Т. 2, № 2. С. 204–220.
<https://doi.org/10.21638/spbu28.2020.201>

Статья посвящена проблемам исследования структуры современной православной миссиологии в системе теологического знания. Большую часть своей новейшей истории православная миссиология развивалась в качестве учебной дисциплины духовного образования. Преподавание миссиологии в духовных школах сопровождалось научными поисками ее теоретико-методологического статуса в системе православного богословия, ее структуры, понятийного аппарата и метода. В статье рассматривается необходимость системно-категориального анализа современного состояния миссиологии как раздела православного систематического богословия. Решение данной задачи предполагает выявление векторов развития православной миссиологии. Современная миссиология находится в процессе становления в качестве самостоятельного раздела православного систематического богословия. В этом отношении современная православная миссиология характеризуется отсутствием системного планирования научной работы. Несмотря на это, она обладает значительным потенциалом развития в определенных направлениях. В статье дается анализ структуры современной православной миссиологии. Отмечено, что наличие определенной структуры миссиологии как самостоятельного раздела православного систематического богословия свидетельствует об известном уровне самоорганизации, достигнутом в процессе развития. В этом отношении миссиология обладает базовым опытом структурирования, на основе которого возможно развитие в направлении

-
- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2020
  - © Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2020

дальнейшей систематизации. Последние научные исследования завершили осмысление миссиологии в качестве теологической дисциплины. На повестку дня вновь выходят задачи обновления преподавания миссиологии в соответствии с вновь полученными результатами.

Ключевые слова: миссия, миссиология, структура православной миссиологии, теоретическая миссиология, практическая миссиология, прикладные миссиологические дисциплины, теология, система теологического знания.

Православная миссиология достаточно давно укоренилась в качестве образовательной дисциплины в духовных школах Русской православной церкви. Это положение уникально по крайней мере по двум причинам. Во-первых, миссиология — первая из инновационных дисциплин, дополнивших kurikulum традиционных курсов семинарского и академического образования XX в. и приоткрывших широкие возможности его творческого развития. Во-вторых, несмотря на очевидное сближение духовного образования с теологическим, именно миссиология остается нередуцируемой в своей конфессиональной определенности к стандартам светской теологии. В условиях постоянной актуализации светского характера теологического образования и тенденции к адаптации традиционных для православия учебных курсов к идеологически ограниченным возможностям их рецепции в системе высшего профессионального образования будущее миссиологии остается неразрывно связанным именно с духовными школами Русской православной церкви.

Миссиология обладает уникальным исследовательским полем и значительным потенциалом проблематизации. Эта уникальность определяется тем, что сама процедура проблематизации исследовательского поля теологии, в свою очередь, является научной проблемой. В рамках разрешения данной проблемы мы провели специальное исследование на тему «Православная миссиология в системе теологического знания», положенное в основу защищенной 25 декабря 2019 г. диссертации на соискание ученой степени доктора теологии¹. Полученные в итоге исследования результаты частично приводятся в данной статье. Одной из задач исследования было определение базовой структуры православной миссиологии на современном этапе ее развития. В основе такой аналитической процедуры лежали не только определенные методологические принципы, но и исторические прецеденты.

Проблема данного исследования обусловлена потребностью в системно-категориальном анализе современного состояния миссиологии как самостоятельного раздела православного систематического богословия. Разрешение указанной проблемы предполагало также определение потенциала и основных направлений развития современной православной миссиологии. В качестве исходной принята гипотеза, состоящая в следующем: современная миссиология находится в процессе становления в качестве

¹ Митько А. Е. (*игумен Серапион*). Православная миссиология в системе теологического знания: дис. ... д-ра теологии. М., 2019.

самостоятельного раздела православного систематического богословия, во многом оставаясь проектом. Как проект, современная православная миссиология характеризуется отсутствием систематического планирования и управления научно-исследовательской деятельностью, обладая при этом значительным потенциалом развития в направлениях, вытекающих из ее внутренней структуры.

Само по себе наличие у миссиологии определенной внутренней структуры свидетельствует о достижении довольно высокого уровня внутренней организации. Поскольку миссиология неразрывно связана с миссионерской деятельностью Русской православной церкви, напрашивается сравнение с уровнем теологической фундированности других профильных церковных служений. Это сравнение показывает, что теологическая рефлексия в области большинства церковных служений пока не привела к формированию таких устойчиво структурированных дисциплин, как катехетика, социальная диакония или особая молодежная теология. В этом отношении миссиология обладает базовым опытом структурирования, на основе которого возможно дальнейшее развитие в направлении научно обоснованной систематизации в рамках теологии как отрасли знания².

Процесс структурирования осуществляется через выявление предметной области миссионального в контексте развития миссионерского служения в Русской православной церкви в новейший период ее истории. Именно практические потребности обоснования и осмысления этого служения легли в основу миссиональной теологической рефлексии. В 1990-е годы многие сферы миссионерского служения в современном его понимании не воспринимались церковным сознанием как нечто специфическое. Характерные для того времени массовые обращения носили спонтанный характер и не осознавались как результат целенаправленной миссионерской деятельности. Внутренняя потребность в обращении и воцерковлении определяла чрезвычайно высокий потенциал адресата миссии на фоне восстановления церковью собственной миссиональной акторности. Можно утверждать, что воцерковление наиболее активной части адресата миссии стало средством и условием становления внутри церкви актора миссии. Миссионерская деятельность в ее современном понимании рассматривалась в тот период не как специализированная деятельность, а как часть единого служения церкви.

Одним из результатов исторического разрыва в традиции миссионерского служения в XX в. стала неготовность большинства духовенства к делам миссии. В этих условиях было естественным обратиться к дореволюционному опыту, изучить его, попытаться актуализировать и систематизировать. Возрождение миссионерского служения происходило в неразрывной связи с реконструкцией его исторических образцов, сделавшихся

---

² Шмонин Д. В.: 1) Схоластика как философия образования // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 145–154; 2) Научная рациональность и «возвращение к теологии» // Вопросы теологии. 2019. Т. 1, № 3. С. 280–306.

нормативной моделью для миссионеров указанного периода. Это привело к тому, что история миссии как исследовательская программа стала отождествляться с миссиологией в целом. Такая ситуация не была уникальной в связи с общей тенденцией к богословскому возрождению, принявшему форму реконструкции и рецепции исторических образцов. На долгие годы православное богословие останется историей богословской мысли, однако миссиология начинает преодолевать данную тенденцию уже в начале 1990-х годов.

Другим фактором, оказавшим определяющее воздействие на развитие миссиологии, послужила ситуация, при которой главная цель миссии — обращение людей ко Христу — вынужденно сопрягалась с задачей активного противодействия агрессивному прозелитизму со стороны западных миссионеров и новых религиозных движений. Ответом на этот вызов стало формирование с начала 1990-х годов антисектантского движения и развитие сектоведения в качестве самостоятельной исследовательской программы и учебной дисциплины православного образования. Здесь следует особенно отметить вклад А. Л. Дворкина, который стоял у истоков этих процессов и во многом был их вдохновителем и организатором.

В тот период миссионерский потенциал Русской православной церкви оставался недостаточным на фоне непрекращающихся вызовов со стороны прозелитизма. Именно на противостояние этим вызовам были направлены основные миссионерские ресурсы церкви, поэтому в сознании церковного народа миссионерская и антисектантская деятельность практически полностью совпали. Сложилась парадоксальная, хотя и вполне понятная ситуация, при которой сектоведение фактически подменяет собой миссиологию, занимая пустующую нишу в системе православного богословия. В сознании многих данная аберрация сохраняется и по сей день. Многие продолжают воспринимать миссионерское служение исключительно как борьбу с сектантством. Такого рода деятельность, будучи безусловно необходимой, редуцирует миссионерское служение до уровня миссии противостояния, затрудняя переход миссиологии от негативной к позитивной модели дискурса.

Формирование подобной ситуации было связано с объективными процессами, а именно с изменением состояния как адресата, так и актора православной миссии. Деструктивный характер иностранного прозелитизма по отношению к адресату православной миссии определялся не только угрозой количественного сокращения. Более важным представляется формирование в процессе «кампаний евангелизации» заведомо ложных представлений о православном вероучении, сопоставимых с результатами атеистической пропаганды. Прозелитическая деятельность иностранных миссионеров отвлекала на себя и без того ограниченные ресурсы церкви, создавая объективные трудности в процессе возрождения ее миссиональной акторности.

Данные обстоятельства затрудняли развитие миссиологии как самостоятельного раздела систематического православного богословия и во

многим определили ее современное состояние, включая внутреннюю структуру. Начало формирования миссиологии было положено процессом институализации миссионерского служения высшей церковной властью. Именно принятие первых нормативных документов, регламентирующих миссионерское служение на общецерковном уровне, создание Синодального миссионерского отдела и открытие Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью) стали иницилирующими событиями, определившими как возрождение православной миссиологии, так и ее современный уровень.

Не следует отрицать значительный вклад других лиц и организаций в развитие миссиологии; однако именно на базе Синодального миссионерского отдела и Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью) под руководством митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна (Попова) были консолидированы интеллектуальные ресурсы, необходимые для возрождения православной миссиологии на современном уровне.

Во многом благодаря совмещению в лице митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна служений председателя Синодального миссионерского отдела и ректора Белгородской православной духовной семинарии возрождение миссиологии происходило в формате одновременной церковной авторизации. Сформированное таким образом представление о миссиологии отразилось в общецерковных нормативных документах³,

³ Концепция деятельности епархиального миссионерского отдела и взаимодействия с Синодальным миссионерским отделом (Документ подготовлен Синодальным миссионерским отделом, одобрен на заседании Высшего церковного совета 16 марта 2018 г. и утвержден на заседании Священного синода 14 мая, журнал № 29) // Официальный сайт Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5195630.html> (дата обращения: 13.03.2019); Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви (принята Священным синодом Русской православной церкви 27 марта 2007 г., журнал № 12) // Собрание документов Русской православной церкви. Деятельность Русской православной церкви. М.: Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2014. Т. 2, ч. 1. С. 368–394; О современной внешней миссии Русской православной церкви (принято Священным синодом Русской православной церкви 16 июля 2013 г., журнал № 80) // Там же. С. 418–427; Об организации миссионерской работы в Русской православной церкви (определение Священного синода Русской православной церкви 27 декабря 2011 г., журнал № 152) // Там же. С. 411–417; Основные принципы отношения Русской православной церкви к инославию (документ, принятый на юбилейном Архиерейском соборе 2000 г., отражает и определяет основные принципы отношения Русской православной церкви к инославию, а также к взаимодействию с инославными и межконфессиональными организациями) // Официальный сайт Русской православной церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html?_ctxowner=8942 (дата обращения: 13.03.2019); Положение о епархиальной миссионерской коллегии (утверждено патриархом Московским и всея Руси 6 июня 2012 г.) // Собрание документов Русской православной церкви. Т. 2, ч. 1. С. 427–434; Положение об аттестации миссионеров (документ принят Высшим церковным советом 21 июня 2013 г. и одобрен на заседании Священного синода 16 июля 2013 г., журнал № 74) // Официальный сайт Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3608541.html> (дата обращения: 13.03.2019); Правила организации подготовки специалистов в области катехизической, миссионерской, моло-

посвященных теме миссии, а они, в свою очередь, оказали влияние на содержание миссиологии как исследовательской программы и образовательной дисциплины.

Возрождение миссиологии представляло собой самостоятельный процесс, творческий характер которого определялся не только высоким интеллектуальным потенциалом его участников, но и отсутствием эпитонства по отношению к достижениям протестантских и католических миссиологов. Несмотря на явное знакомство православных миссиологов с рядом современных миссиологических концепций, внешнее влияние на процесс формирования современной православной миссиологии следует признать крайне незначительным. Таким образом, миссиология в современной России самостоятельно генерируется именно как раздел православного богословия, что в итоге определяет широкие возможности утверждения ее собственной структуры и содержательного наполнения.

Исторически возрождение миссиологии происходило преимущественно в рамках ее преподавания в качестве учебной дисциплины основной образовательной программы Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), а затем и других духовных семинарий. Нередко само содержание миссиологии отождествлялось с соответствующими лекционными курсами⁴. Именно потому, что научно-исследовательская работа в духовных семинариях была ориентирована прежде всего на образовательный процесс, возрождение миссиологии происходило в формате учебной дисциплины. Результаты миссиологических исследований изначально адаптировались к уровню и потребностям аудитории.

В 2009 и 2010 гг. по благословению и под общей редакцией митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна вышли в свет два связанных по своему содержанию издания под названием «Миссиология»⁵. В обоих перечислены авторы; во втором издании в качестве ответственного редактора указан священник Александр Гинкель. Оба издания характеризуются некоторой неопределенностью жанра: с одной стороны, говорится об

дежной и социальной деятельности (приняты Священным синодом Русской православной церкви 12 марта 2013 г., журнал № 26) // Собрание документов Русской православной церкви. Т. 2, ч. 1. С. 445; Рекомендации к деятельности штатного помощника настоятеля по миссионерскому служению (утверждено патриархом Московским и всея Руси 6 июня 2012 г.) // Там же. С. 439–444; Церковный образовательный стандарт по подготовке миссионеров (принят Священным синодом Русской православной церкви 16 июля 2013 г., журнал № 74) // Там же. С. 445–464.

⁴ Чернышев В. М. Миссиология. СПб.: Изд-во им. свт. Льва, Папы Римского, 2010; Православная миссия сегодня: сборник текстов по курсу «миссиология» для православных духовных школ и богословских учебных заведений / сост. В. Федоров, прот. СПб.: Апостольский город, 1999.

⁵ Миссиология: учеб. пособие. Белгород: Изд-во Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), 2009. С. 1–2; Миссиология: учеб. пособие / отв. ред. А. Гинкель. 2-е изд., испр. и доп. М.: Синодальный миссионерский отдел Русской православной церкви, 2010. С. 7.

«учебном пособии», «учебнике», «уникальном учебнике», с другой — отмечается, что «данный труд носит фундаментальный характер»⁶. Эта неопределенность свидетельствует о состоянии развития миссиологии в настоящий период. Миссиология как исследовательская программа осуществлялась именно в процессе образовательной деятельности. Фактически эти издания представляют собой церковно авторизованный свод знаний по миссиологии, представленный в виде учебника. Его содержание остается актуальным, так как за прошедшее десятилетие других авторитетных изложений миссиологии не появилось. Это обстоятельство следует рассматривать не как недостаток, а как свидетельство достижения миссиологией определенного стабильного состояния. Данный этап развития православной миссиологии завершается нашей докторской диссертацией, которая в определенном смысле раскрывает исследовательский потенциал Белгородской миссиологической школы. Нам довелось участвовать в рецензировании второго издания «Миссиологии», что создало некоторую оппозирующую дистанцию по отношению к методологическим принципам и содержанию данного труда. В свою очередь, дальнейшая работа в Синодальном миссионерском отделе сформировала перспективы преемственности в рамках единого процесса развития современной православной миссиологии. Поэтому выявление структуры православной миссиологии в системе теологического знания во многом опирается на основание, заложенное в указанном своде знаний.

Интересно и то, что основное отличие двух вариантов свода знаний по миссиологии заключается именно в их структуре. Необходимость второго издания была связана с процессом церковной авторизации при непосредственном участии высшей церковной власти: «По благословению святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла во втором издании учебника была изменена структура. Было решено опустить историческую часть, так как по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви в настоящее время написано большое количество работ»⁷. Это указывает на то, что создание свода знаний по миссиологии совпадает по времени не только с достижением определенного уровня стабилизации содержания, но и с осознанием необходимости структурной трансформации.

В первом издании историческая часть охватывала половину объема, а остальное содержание было распределено между теоретической и практической миссиологией. Эта диспропорция могла сформировать представление о значительно большей ценности истории миссии по сравнению ее современными задачами. После исключения исторической части была переименована и теоретическая часть: вместо «Введения в миссиологию» во втором издании фигурирует «Богословие миссии». Таким образом, трансформация структуры не ограничилась вынесением истории миссии

⁶ Миссиология: учеб. пособие / отв. ред. А. Гинкель. С. 7.

⁷ Там же. С. 8.

за пределы свода знаний, проявившись в усилении значимости теоретического раздела.

Отсутствие во втором издании раздела, посвященного истории миссии, не означало выведения данной предметной области за пределы структуры православной миссиологии. История миссии по-прежнему является составной частью миссиологии как единой исследовательской программы. Основным недостатком первого издания — не наличие исторического раздела, а его совершенно недопустимая ограниченность историей миссионерской деятельности лишь Русской православной церкви. Обращение к исторической ретроспективе составляет важную и неотъемлемую часть теологической рефлексии в области миссиологии, однако ее задачи требуют целостного охвата всей полноты опыта миссионерского служения Православной церкви, начиная с апостольских времен. Можно предположить, что ограниченность исторического раздела данного свода знаний связана не с желанием представить миссионерский опыт поместной церкви в отрыве от вселенского, а объективным состоянием научных исследований в указанной сфере. В силу изначальной ориентированности исследований по истории миссии на более доступную отечественную источниковедческую базу именно изучение истории миссионерского служения Русской православной церкви стало доминирующим.

Таким образом, можно констатировать, что базовая структура православной миссиологии на тот момент включала в себя три части: историю миссионерского служения Русской православной Церкви, богословие миссии, принципы и методы миссионерской деятельности. В нашем исследовании эта структура сохраняется неизменной, за исключением наименований разделов. Представляется уместным говорить об истории миссии как об исторической миссиологии, о богословии миссии как о теоретической миссиологии, а принципы и методы миссионерской деятельности именовать практической миссиологией. Каждый из базовых элементов структуры, особенно третий, обладает потенциалом экспликации прикладных миссиологических дисциплин. Кроме того, исторически и генетически миссиология сопряжена с определенным набором исследовательских программ в области религиоведения, которые могут быть интегрированы в ее структуру. Несмотря на высокий уровень осознания своего автономного статуса, сектоведение тоже тесно связано с миссиологией как самостоятельным разделом православного систематического богословия.

Сформированная таким образом структура в целом объективно отражает предметную область православной миссиологии. Ее строение не исключает возможности дальнейшего развития, однако перспективы данного процесса напрямую коррелируют с содержательной динамикой. Для понимания этих перспектив необходим анализ содержательной стороны православной миссиологии.

Содержание исторической миссиологии в настоящее время практически полностью совпадает с историей миссионерского служения Русской

православной церкви. Этот период открывается миссией святых равно апостольных Кирилла и Мефодия и фактически завершается революционной эпохой. Новейшая история миссии Русской православной церкви рассматривается линейно и поверхностно. В современной православной исторической миссиологии приоритетное внимание уделяется именно деятельности православных миссионеров, т. е. исследованию актора миссии. Состояние и историческая динамика развития адресата миссии, как правило, остаются за границами исследовательского интереса. Историческое развитие православной миссии рассматривается в фокусе исследования жизни и деятельности отдельных выдающихся миссионеров, что ведет к дискретности восприятия исторического процесса. Не прослеживается отчетливая связь между историей миссии Русской православной церкви и ее задачами на современном этапе развития. Этим определяются необходимые шаги по совершенствованию структуры православной исторической миссиологии и уточнению ее содержания.

Во-первых, необходимо существенно расширить предметную область православной исторической миссиологии за счет охвата всех периодов истории церковной миссии, начиная с апостольских времен. Этого требует не только элементарное стремление к полноте изложения, но и осознание необходимости получения значимых исследовательских результатов на основании всей полноты релевантных фактов. Иначе говоря, на основании одной лишь истории миссионерского служения Русской православной церкви невозможно сделать значимые и достоверные для миссиологии обобщения и выводы. Таким образом, православная историческая миссиология должна включать в себя *всеобщую историю миссии*.

Во-вторых, для понимания уникальных особенностей православно-го миссионерского служения нужен более широкий исследовательский контекст, включающий историю католической и протестантских миссий, а также соответствующих миссиональных практик нехристианских религий. Поэтому православная историческая миссиология должна включать в себя *сравнительную историю миссий*.

В-третьих, интеграция исследовательских процедур в рамках всеобщей и сравнительной истории миссий позволяет разработать историческую типологию миссий. Типологизация исторически проявленных миссиональных концептов, стратегий и практик даст ряд результатов, значимых для миссиологии в целом.

Реализация данных задач стратегического развития структуры позволит истории миссионерского служения Русской православной церкви соответствовать статусу православной исторической миссиологии. Строго говоря, исследование истории миссий само по себе не является исторической миссиологией: возможно вполне корректное его позиционирование в качестве особой предметной области исторических или церковно-исторических исследований. История миссий становится исторической миссиологией в той мере, в какой цели и результаты исторических исследований интегрируются миссиологическим дискурсом. Таким образом, реализация

проекта исторической миссиологии требует существенной трансформации ее внутренней структуры и содержания.

Содержание теоретической миссиологии представлено в указанных изданиях в виде «Введения в миссиологию» и «Богословия миссии». Анализируя это содержание, трудно уйти от мысли, что в данном случае богословие миссии является таковым постольку, поскольку служит введением. Нельзя не отметить творческий и совершенно самостоятельный характер разработки содержания теоретической миссиологии авторским коллективом указанного свода знаний. По сути, перед нами первый опыт построения богословия миссии на русском языке; возможно, именно этим обстоятельством обусловлен пропедевтический характер изложения. Фактически раздел «Богословие миссии» включает в себя миссиологическую тематизацию содержания православного вероучения и опыт интерпретации ее результатов. Данный опыт следует признать удачным, однако он явно недостаточен для полноценного функционирования теоретической миссиологии.

Теоретическая миссиология есть прежде всего теология миссии. Можно ли считать их полностью тождественными? Некоторая неопределенность в данном вопросе связана с инновационным характером ряда исследовательских программ. Теоретическая миссиология в полной мере является теологией в аспектах библейско-богословского обоснования миссии и исследования ее актора. В этом отношении указанные исследовательские программы определяются как миссиональная герменевтика и миссиональная экклезиология. Однако в случае с исследованиями адресата миссии теоретическая миссиология интегрирует ряд методов социальных и гуманитарных наук, что объективно провоцирует дискуссию о ее полном соответствии понятию теологии миссии. В качестве предварительной можно высказать следующую гипотезу: в данном случае мы наблюдаем интенсивный процесс развития теологии в направлении миссионального расширения ее предметного поля и интеграции ряда проблем и методов гуманитарных и социальных наук. Этот процесс далек от завершения, а потому итоговая оценка его результатов представляется преждевременной.

В нашем понимании теоретическая миссиология включает в себя миссиональную герменевтику, теологию актора миссии и теологию адресата миссии. В зависимости от способов тематизации и проблематизации предметной области в рамках теоретической миссиологии могут генерироваться различные исследовательские программы, например: миссиональная библеистика, миссиональная триадология, миссиональная христология, миссиональная сотериология, миссиональная экклезиология, миссиональная сакраментология, миссиональная литургика, миссиональная эсхатология, миссиональная этика и т. п. Вопрос наименования конкретных исследовательских программ относится прежде всего к сфере научной эстетики; именно в таком ракурсе следует рассматривать словосочетания типа «экклезиология миссии» или «эсхатология миссии».

Место практической миссиологии в своде знаний занимает раздел «Принципы и методы миссионерской деятельности». В отличие от «Богословия миссии», данная часть во втором издании претерпела значительные структурные изменения. Наиболее существенным из них стало появление параграфов «Правовые основания миссионерской деятельности», «Понятие субкультуры», «Проповедь в воинской среде», «Проповедь в образовательных учреждениях», «Проповедь среди заключенных», «Проповедь в иноверческой среде», «Методика диспута с сектантами», «Проповедь среди мигрантов», «Богослужебный язык», «Миссия и катехизация», «Основные принципы планирования и организации миссионерской деятельности на общецерковном, епархиальном благочинническом и приходском уровнях», «Перспективные направления миссионерского служения». С одной стороны, это указывает на более высокую содержательную динамику предметного поля практической миссиологии, с другой — свидетельствует об интенсивном расширении его границ в процессе подготовки второго издания.

Не существует универсальной системы критериев структурирования содержания практической миссиологии. Его характер и динамика в итоге определяются опытом миссионерского служения и процессом миссиологической рецепции его результатов. Вместе с тем в самом наименовании практической миссиологии, избранном в данном издании, содержится указание на изначальную методологическую дифференциацию ее содержания: практическая миссиология включает в себя нормативную (на что указывает слово «принципы») и методическую (на что указывает слово «методы») части. Несмотря на то что указание на это разделение и тем более его обоснование в тексте отсутствуют, само наименование раздела свидетельствует об интуитивном понимании авторами логико-методологических особенностей практической миссиологии. Нормативная часть охватывает принципы, регулирующие миссионерскую деятельность, прежде всего общецерковные нормативные документы. Методическую часть образуют построенные на их основе практические рекомендации.

Разделение на историческую, теоретическую и практическую части не исчерпывает потенциала развития православной миссиологии. Он выражается в широкой возможности генерирования исследовательских программ *прикладной миссиологии*. Большая часть такого рода программ может генерироваться в предметной области практической миссиологии, однако их сопряженность с теоретической миссиологией не вызывает сомнения. Прежде всего, следует указать на *миссиональную апологетику*. Укоренение этого понятия в миссиологическом дискурсе обусловлено стремлением к интеграции сектоведческих исследований. Отечественное сектоведение тесно связано с современными практиками миссионерского служения и стремится стать теоретической основой для некоторых из них. В задачу настоящего исследования не входит подробное и всестороннее рассмотрение теоретико-методологического статуса сектоведения, тем более что данный вопрос является предметом ожесточенной идеологически

окрашенной полемики не только в научных кругах, но и в обществе. Однако нельзя не отметить миссиологические аспекты данной проблемы.

С одной стороны, исследования нетрадиционной религиозности вполне органично вписываются в предметную область религиоведения. В этом отношении сектоведение отличается от остальных религиоведческих исследовательских программ тем, что включает в свою методологию негативную оценку нетрадиционной религиозности как деструктивной. Негативная оценка природы этих феноменов имеет аксиоматический характер, так как в основе отечественного сектоведения лежит конфессиональная или корреспондирующая с ней исследовательская установка. Следовательно, можно предположить, что данная позиция имеет своим источником теологическую аксиоматику в целом. Такого рода связь характерна для достаточно широкого круга теологических дисциплин. Однако ситуация с сектоведением во многом уникальна. Теологическая аксиоматика присутствует в сектоведении в особом, редуцированном виде. Позиция, предваряющая исследовательские процедуры, не является единственно возможной, так как степень неприятия и негативной оценки деструктивной природы нетрадиционной религиозности зависит от понимания свободы религиозного выбора в контексте сотериологии. Кроме редукции теологической аксиоматики, в сектоведении присутствует редукция целеполагания. Конечная цель миссионерского служения — не преодоление заблуждений, но спасение заблуждающихся. Такая оценка сектоведения не является негативной по своей природе и приведена здесь для того, чтобы продемонстрировать его отличия от миссиологии. Сектоведение нельзя считать миссиологической дисциплиной в полном смысле этого слова, однако это не исключает возможности дальнейшей интеграции.

С другой стороны, обвинения сектоведения в конфессиональной ангажированности некорректны. Конфессионально стерильные исследовательские программы тоже содержат ограничительные идеологические установки, а часто напрямую выполняются по заказу и в интересах сект; поэтому в контексте данного исследования следует констатировать, что недостаток сектоведения — не наличие определенной конфессиональной позиции, а ее недостаточная выраженность или, в некоторых случаях, неопределенность.

Конкретная направленность и содержание исследовательских программ прикладной миссиологии определяются их предметной областью — адресатом миссии. В свою очередь, адресат миссии включает в себя конкретных людей, обладающих различной идентичностью, религиозными убеждениями, этническими и личностными особенностями. В связи с этим можно определить основные предметные области проектирования исследовательских программ прикладной миссиологии.

Одна из базовых характеристик адресата миссии — его принадлежность к определенной культуре. Исходя из этого, *миссиональная культурология* становится важнейшей прикладной дисциплиной в структуре миссиологического знания. Несмотря на то что в обоих изданиях свода знаний по

миссии понятие «миссиональная культурология» отсутствует, ее проблематика представлена на высоком уровне концептуализации. Об этом свидетельствует размещение параграфов «Евангелие и культура» и «Инкультурация и рецепция культуры» непосредственно в разделе «Богословие миссии». Казалось бы, такие проблемы прикладной миссиологии могут быть рассмотрены в разделе «Принципы и методы миссионерской деятельности», однако выбор авторов указывает на понимание высокой степени теологической фундированности миссиональной культурологии. Теоретико-методологический статус и содержание миссиональной культурологии в настоящее время во многом остаются неопределенными и представляют собой предмет будущих исследований. С одной стороны, это связано с проблемой соотношения методов отечественной культурологии, культурной и социальной антропологии в миссиологических исследованиях, с другой — с тем, что содержание миссиональной культурологии и других дисциплин прикладной миссиологии в значительной степени совпадает.

На это, в частности, указывает упоминание «лингвистической реформы» Н. И. Ильминского в культурологическом контексте. Миссионерское служение требует перевода библейских и богослужебных текстов на языки просвещаемых народов. В определенных случаях результатом миссионерского служения становится создание литературного языка и первых произведений национальной литературы (алтайцы, алеуты). В некоторых случаях миссионерское служение предполагает заботу о сохранении исчезающих языков коренных малочисленных народов. Эти задачи формируют потребность в *миссиональной лингвистике (или филологии)* как отдельной дисциплине прикладной миссиологии.

Слова «великого миссионерского поручения»: «Итак идите, научите все народы» (Мф 28:19) — указывают на этносы как изначальную форму сегментации адресата миссии. Евангелие обращено к каждому конкретному человеку, однако универсальность Благой Вести формируется в соответствии с критерием этничности. Миссия среди коренных, в том числе малочисленных, народов является одним из основных направлений миссионерского служения Русской православной церкви. Его институализация в форме создания Синодального миссионерского отдела совпадает с активизацией церковного служения на пространствах традиционного проживания данных народов, поэтому одну из важнейших дисциплин прикладной миссиологии составляет *миссиональная этнология*. В последнее время можно наблюдать нарастание кумулятивного эффекта, вызванного накоплением результатов практического служения в этой сфере миссионерской деятельности, что позволяет надеяться на формирование полноценных исследовательских программ миссиональной этнологии.

Практика православного миссионерского служения определяется его обращенностью к каждому конкретному человеку, который в качестве индивидуального адресата миссии предстает в совокупности всех своих личностных качеств. Это порождает потребность в развитии такой дисциплины прикладной миссиологии, как *миссиональная психология*.

Вместе с тем миссионерское служение Русской православной церкви охватывает различные социальные группы и общество в целом. Эффективность такого служения требует знания и понимания природы социальных процессов и институтов. Этим целям отвечает особая дисциплина прикладной миссиологии — *миссиональная социология*. Оценка количественной эффективности миссионерского служения может осуществляться в рамках *миссиональной статистики*, углубляющей прикладное значение *миссиональной социологии*. Моделью для создания данной дисциплины прикладной миссиологии может стать существующая с XIX в. моральная статистика. Другая возможная прикладная миссиологическая дисциплина — *миссиональная география* как сфера исследования миссионерского поля.

Миссионерское служение Русской православной церкви на современном этапе требует применения инновационных принципов организации. Общие принципы церковной организации миссионерской деятельности отражены в ряде общецерковных нормативных документов⁸ и успешно применяются на практике. Однако переход от общих принципов к конкретным методам миссии зачастую выявляет проблемы, снижающие эффективность миссионерской деятельности в рамках матричного типа организации. В последние годы все отчетливее осознается необходимость организации миссионерской деятельности в соответствии с принципами проектного управления.

Создание в рамках прикладной миссиологии такой дисциплины, как *управление миссионерскими проектами*, требует значительных творческих усилий на пути анализа как всей совокупности мирового опыта, так и возможностей его церковной рецепции. Сегодня представляется очевидным, что для реализации данной задачи необходимо подробное и всестороннее изучение всех существующих систем проектного управления. Однако их прямое применение в организации миссионерской деятельности выглядело бы некорректно. Например, процедурный подход, характерный для стандарта PMI (Project Management Institute), сам по себе малоэффективен в условиях православного миссионерского служения, требующего творческих подходов, однако знание его принципов безусловно необходимо. Компетентностный подход, отличающий стандарт IPMA (International Project Management Association), ближе характеру миссионерского служения, однако при его использовании соответствующие компетенции должны быть наполнены церковным содержанием. Управление проектами по стандарту GPM (Green Project Management) открывает широкую возможность для православного понимания моральной составляющей устойчивого развития. Творческий характер миссионерской деятельности позволяет предполагать, что применение определенных вариантов agile-методологии (гибкой методологии) окажется высокопродуктивным. Конкретное содержание *управления миссионерскими проектами* как дисциплины прикладной миссиологии остается во

⁸ Собрание документов Русской православной церкви. Т.2, ч. 1. С. 361–464.

многим неопределенным, однако именно разработка соответствующего церковного стандарта и адекватной ему системы сертификации является очевидной исследовательской задачей.

Таким образом, установлено, что базовая структура миссиологии была сформирована в системе православной теологии самостоятельно, без определяющего влияния со стороны католических и протестантских миссиологов. Условием этого процесса стала консолидация интеллектуального ресурса на базе Синодального миссионерского отдела и Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью) под общим руководством митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна. Состояние православной миссиологии следует рассматривать скорее как процесс, чем как результат: в процессе развития структура православной миссиологии претерпевает определенную трансформацию в направлении стабилизации.

На современном этапе оптимальная структура православной миссиологии выглядит следующим образом. В качестве базовых и наиболее общих разделов выступают историческая, теоретическая и практическая миссиология. Практическая миссиология включает нормативную и вариативную методическую части, которые различаются своим теоретико-методологическим статусом. Обращенность миссионерского служения к адресату миссии с его особенностями формирует предметную область прикладной миссиологии. Конкретные особенности адресата миссии определяют потребность в создании таких дисциплин прикладной миссиологии, как миссиональная апологетика, миссиональная культурология, миссиональная лингвистика (или филология), миссиональная этнология, миссиональная психология, миссиональная социология, миссиональная статистика и миссиональная география. Организация в современных условиях миссионерского служения церкви в роли актора миссии требует применения инновационных методологий и технологий, что является предметной областью такой дисциплины прикладной миссиологии, как управление миссионерскими проектами.

В настоящее время сложилась несколько парадоксальная ситуация. На протяжении всего периода своего возрождения православная миссиология развивалась прежде всего как учебная дисциплина. Ее основными проблемами оставались неопределенность теоретико-методологического статуса в системе теологического знания и отсутствие актуальных научно-исследовательских программ.

В нашем диссертационном исследовании, во-первых, было осуществлено обоснование миссии на основе аксиоматики и вероучительного содержания Божественного Откровения, определен статус православной миссиологии в системе теологического знания и ее место в православном систематическом богословии. Во-вторых, проанализировано современное состояние православной миссиологии в направлении исследования ее структуры, терминологического аппарата и методологии. В-третьих, определено и проблематизировано исследовательское поле православной мис-

сиологии, что делает возможным проектирование специализированных научно-исследовательских программ.

Теперь ситуация кардинальным образом изменилась. По-прежнему актуальны проектирование и развитие научно-исследовательских программ в области миссиологии, и эта работа активно ведется. Однако на первый план выступает трансформация миссиологии именно как образовательной программы в соответствии с новым уровнем развития. Важнейшая задача состоит в том, чтобы подготовить принципиально новый учебник для студентов духовных школ, обучающихся по программе бакалавра. Это позволит не только интегрировать актуальные научные результаты в учебный процесс, но и обеспечить его однородность на всем образовательном пространстве Русской православной церкви.

Новый учебник по миссиологии решит проблему базового миссионерского образования православного духовенства. Однако задачи миссионерского служения в целом требуют других решений. Полноценная подготовка миссионера предполагает изучение целого комплекса миссиологических дисциплин, что технически неосуществимо в формате бакалавриата. Решением этой задачи в рамках православного духовного образования могут стать разработка и внедрение специализированных миссиологических программ магистратуры на базе духовных академий и некоторых семинарий, что позволит сформировать профессиональную корпорацию преподавателей миссиологии в духовных школах Русской православной церкви. Из этой среды также могут выйти будущие исследователи в области миссиологии.

Проектирование новых образовательных программ по миссиологии может столкнуться с той чрезвычайно распространенной убежденностью, что миссионеры нуждаются исключительно в практической подготовке. Такое мнение, в целом основанное на традиционно низкой оценке значимости теоретической составляющей в дисциплинах практической теологии, лишает миссиологов мотивации к ведению полноценных научных исследований. Абсолютно ошибочно считать, что миссионерское служение можно свести к копированию стандартных технологий и навыков. Сама возможность разработки эффективных практик миссии мыслима лишь в результате полноценного освоения теоретического базиса миссиологии.

Современная православная миссиология длительное время существовала главным образом в форме учебной дисциплины духовного образования. Результатом долгого пути стало конституирование миссиологии как самостоятельного раздела православного систематического богословия. Это открывает новые перспективы развития миссиологии на уровне образования, что, в свою очередь, даст импульс актуальным научным исследованиям.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2020 г.
Статья рекомендована к печати 23 апреля 2020 г.

Информация об авторе:

Игумен Серапион (Митько Август Евгеньевич) — д-р теологии, канд. филос. наук;
serapion@list.ru

The structure of Orthodox missiology in the educational perspective*Hegumen Serapion (Mit'ko)*

Synodal Missionary Department of the Russian Orthodox Church of Moscow Patriarchate, 6, Mal'yi Kiseľnyi per., Moscow, 107031, Russian Federation

For citation: Mit'ko A. E. The structure of Orthodox missiology in educational perspective. *Issues of Theology*, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 204–220. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2020.201> (In Russian)

The article is devoted to the problems of studying the structure of modern orthodox missiology in the system of theological knowledge. For much of its recent history, orthodox missiology has developed as an academic discipline of religious education. The teaching of missiology in theological seminaries was accompanied by a scientific search for its theoretical and methodological status in the system of orthodox theology, its structure, conceptual apparatus, and method. The article discusses the need for a systematic categorical analysis of the current state of missiology as a branch of Orthodox systematic theology. The solution to this problem involves identifying the development vectors of Orthodox missiology. Modern missiology is in the process of becoming an independent branch of Orthodox systematic theology. In this regard, modern Orthodox missiology is characterized by a lack of systematic planning of scientific work. Despite this, Orthodox missiology has significant potential for development in certain areas. The article analyzes the structure of modern Orthodox missiology. It is noted that the presence of a certain structure of missiology as an independent branch of Orthodox systematic theology indicates a certain level of self-organization achieved in the development process. In this respect, missiology has the fundamental experience of structuring, on the basis of which further development in the direction of additional systematization is possible. Recent scientific research has determined that missiology is a theological discipline. The task of updating the teaching of missiology in accordance with the newly obtained results is once again on the agenda.

Keywords: mission, missiology, structure of orthodox missiology, theoretical missiology, practical missiology, applied missiological disciplines, theology, system of theological knowledge.

References

- Chernyshev V.M. (2010) *Missiology*. St. Petersburg, Izd-vo im. svt. L'va, Papy Rimskogo Publ. (In Russian)
- Hinkel A. (ed.) (2010) *Missiology: a textbook*. 2nd ed., with correct. and suppl. Moscow, Sinodal'nyi missionerskii otdel Russkoi pravoslavnoi tserkvi Publ. (In Russian)
- Mit'ko A.E. (Hegumen Serapion) (2019) *Orthodox missiology in the system of theological knowledge*. Dr. Sci. Thesis in Theology. Moscow. (In Russian)
- Shmonin D.V. (2011) "Scholastics as a philosophy of education", in *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 145–154. (In Russian)
- Shmonin D.V. (2019) "Scientific rationality and Reduction to Theology", in *Voprosy teologii*, vol. 1, no. 3, pp. 280–306. (In Russian)

Received: March 20, 2020

Accepted: April 23, 2020

Author's information:

Hegumen Serapion (August E. Mit'ko) — Dr. Sci. in Theology, PhD in Philosophy;
serapion@list.ru